

О.И. Киянская

**«ЛЮДИ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ». К БИОГРАФИЯМ МАТВЕЯ
И СЕРГЕЯ МУРАВЬЕВЫХ-АПОСТОЛОВ**

Аннотация. Статья представляет собой первую часть работы, посвященной судьбам декабристов Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов. Анализируются мнения современников и историков, по-разному характеризовавших братьев. Так, младший из них, Сергей Муравьев-Апостол, представлялся «одним из лучших людей того, да и всякого времени». Старший же, Матвей, напротив, характеризовался как «бледный, холодный спутник» Сергея, не игравший в событиях 1820-х годов самостоятельной роли.

Биографии братьев анализируются в историко-политическом и историко-культурном контексте. В частности, предметом исследования становится литературная деятельность их отца, И.М. Муравьева-Апостола, в чьей книге «Путешествие по Тавриде в 1820 году» описано нравственное состояние молодых дворян, прошедших Отечественную войну 1812 г. и Заграничные походы 1813 и 1814 гг. Писатель считал, что офицерам, привыкшим за годы войны к ощущению собственной значимости, приходилось выбирать между послевоенными ленью и скукой и действиями во имя высокой цели. Доказывается, что именно между двумя этими крайностями и жили оба его сына.

Общественно-политическая деятельность братьев Муравьевых-Апостолов анализируется до конца 1820-х годов. Характеризуются тайные общества 1820-х годов: Союз спасения и Союз благоденствия, а также роль Матвея и Сергея в жизни этих обществ. Описывается изменение настроения братьев: от периодов тоски и разочарования к периодам активных действий.

В заключении речь идет о Семеновской истории 1820 г. и ее влиянии на биографии героев статьи.

Ключевые слова: Матвей Муравьев-Апостол; Сергей Муравьев-Апостол; декабристы; восстание Семеновского полка.

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук,
профессор, Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ); ведущий научный сотрудник, Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120-2013;
Scopus Author ID: 57212137038

Kiyanskaya O.I. «People of the 1820s». On the Biographies of Matvey and Sergey Murav'ev-Apostols

***Abstract.** This article is the first part of the scientific work devoted to the destinies of Matvey and Sergey Murav'ev-Apostols. Addressing contrasting opinions about the brothers, expressed by their contemporaries and some of the historians of the Decembrist movement, the author notes that Sergey, the younger brother, was perceived, according to his contemporary, as «one of the best persons of his own and any other time», while Matvey was characterized as Sergey's «pale and cold companion», who played no significant role in the events of the 1820s.*

The article sheds a new light on the brothers' biographies, attempting to examine them in the cultural and political contexts of their time. In particular, the text focuses on I.M. Murav'ev-Apostol's (Sergey and Matvey's father) book «A journey around Tavrida in 1820», which describes the morals of the young nobility who had taken part in the war of 1812 and the European anti-Napoleon campaigns of 1813 and 1814. According to I.M. Murav'ev-Apostol, having become accustomed to strong emotions during the war events, they afterwards had to choose between the boredom and idleness of after-war life and active part in public life for a higher purpose. As the author argues, the same applies to the brothers' psychologies.

The analysis of the social and political activity of the Murav'ev-Apostols is brought to the end of the 1820s. The author of this article describes the early secret societies of the Decembrists: The Union of Salvation and The Union of Welfare, as well as the roles of Matvey and Sergey in the activities of these societies. The researcher also focuses on the changes in the moods of the brothers – from periods of depression and disappointment to spirited activities.

Concluding, the author touches upon the uprising of the Semenovskiy regiment in 1820 and its impact on the biographies of the characters of this article.

***Keywords:** Matvey Murav'ev-Apostol; Sergey Murav'ev-Apostol; Decembrists; revolt of the Semenovskiy regiment.*

**Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU);
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120-2013;
Scopus Author ID: 57212137038**

В январе 1826 г. молодому императору Николаю I пришлось еще раз пережить тревогу за собственный престол: на юге, под Киевом, началось и вскоре было подавлено восстание Черниговского полка. Руководил восстанием подполковник Сергей Иванович Муравьев-Апостол. Столичную печать заполнили официальные сообщения об этом происшествии; в них Муравьева-Апостола именуют «одним из главных злоумышленников, стремящихся к общему

беспокойствию и разрушению благосостояния государства». Правительственная пресса утверждала, что целями подполковника были «безначалие, грабежи и кровопролития», а средством к достижению целей – «убийство». В газетах можно было прочесть и о том, что мятежный подполковник действовал в сообщничестве со своими братьями: при подавлении мятежа был захвачен «брат Муравьева-Апостола, отставной подполковник», а другой брат, «свиты Вашего императорского величества по квартирмейстерской части прапорщик», был убит [Готовцева 2007, с. 170, 173].

История трех братьев Муравьевых-Апостолов: Матвея (25.04.1793–21.02.1886), Сергея (23.10.1795¹–13.07.1826) и Иполита (7.08.1805²–03.01.1826), после подавления восстания стала известна каждому образованному современнику. Оставляя в стороне личность и дела младшего из трех братьев – Иполита, биография которого уже была предметом моего исследования [Киянская 2015, с. 243–319], остановлюсь в данном случае на судьбах его старших братьев – Матвея и Сергея. Основное внимание в данной работе я уделю самому интересному, «декабристскому» периоду их жизни.

У современников и исследователей особую популярность приобрел Сергей Муравьев-Апостол. Его уважали и ему сочувствовали почти все: от заговорщиков до императора.

Товарищи по тайному обществу считали руководителя восстания черниговцев «другом человечества», обладавшим «высокой и благородной душой» и «благородным характером»; при этом, по их мнению, он был «чужд всякой жестокости». Декабристы называли Сергея Муравьева-Апостола «знаменитым сотрудником, приговоренным умереть на эшафоте за его политические мнения». По их мнению, «для отечества» он «готов был жертвовать всем», «не помрачил своего достоинства ни трусостью, ни подлостью» [Андреевич 1926, с. 387; Лунин 1988, с. 27; Горбачевский 1963, с. 37, 92; Розен 1984, с. 179]. Редкие отрицательные характеристики давались, как правило, в жестких условиях следствия.

Консервативный журналист Николай Греч уважал подполковника за то, что тот «действовал решительно», «по внутренним убеждениям и остался им верен до конца» [Греч 1886, с. 379]. Император Николай I писал в мемуарах, что Муравьев одарен «необыкновенным умом», но при этом «был в своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необыкновенно тверд» [Междуцарствие 1926, с. 33]. Знаменитый отзыв о Сергее

1. В разных исследованиях и справочниках указываются разные даты рождения Сергея Муравьева-Апостола. В данном случае я опираюсь на метрические сведения, приводимые В.Ф. Шубиным [Шубин 1986, с. 73].

2. Дата рождения Иполита Муравьева-Апостола приводится его братом Матвеем в «Погостном списке» [Муравьев-Апостол 1907, с. 172].

Муравьеве-Апостоле принадлежит Льву Толстому, считавшему декабриста «одним из лучших людей того, да и всякого времени» [Толстой 1964, с. 449]. Историки называли его «Орфеем среди декабристов», вся жизнь которого «была похожа на песню», и писали о «тайне обаятельного действия» личности подполковника на людей [Чулков 1925, с. 75; Шугуров 1902, с. 284].

Старший из братьев, Матвей, особого энтузиазма у современников не вызывал. Современники утверждали, что Матвей не имел «ни твердости в характере, ни желания жертвовать всем для достижения цели», а в заговоре участвовал только «из братской любви». После восстания же, «увидев всю важность своего преступления», он «впал в отчаяние и искренно раскаялся» [Горбачевский 1963, с. 91; Греч 1886, с. 381; Междуцарствие 1926, с. 34].

Вряд ли кто-то из писавших о Матвее Муравьеве-Апостоле современников мог до конца понимать мотивы его поступков. Пищу для такого рода рассуждений современники почерпнули, прежде всего, в открытой печати. «Донесение следственной комиссии» констатировало, что в 1824 г. Матвей отказался от радикальных взглядов, изъяслял «благоразумие» и старался «удержать брата от всяких покушений», доказывая ему «если не беззаконность, то по крайней мере безрассудность предприятия и невозможность успеха». По мнению следствия, Матвей не решился окончательно порвать с заговором лишь из «тщеславия» и боязни «признаваться в перемене образа мыслей» [Донесение 1980, с. 39–40].

Кроме того, современникам, по-видимому, было известно содержание письма Сергея Муравьева-Апостола к отцу из крепости. В письме он утверждал, что «брат Матвей» последовал за ним «в деле, которому не сочувствовал», и что поведение Матвея «было только делом дружественной преданности» [Муравьев-Апостол 1887, с. 50].

Естественно, эти свидетельства нуждаются в серьезной проверке. Не поверил им, например, знаменитый публицист-эмигрант Александр Герцен. Для него Матвей Муравьев-Апостол, подобно Сергею, – «сильная личность», известная «твердостью характера» [Герцен 1994, с. 175]. Однако представление о Матвее как о человеке слабом и случайном среди декабристов стало общим местом в исследованиях.

Так, историк С.Я. Штрайх считал Матвея представителем «среднего типа декабристов: богато одаренных по условиям рождения, среды и воспитания, но робких и очень скромных по личным качествам, лишенных революционного порыва, творчески-преобразовательных замыслов и бунтовщических дерзаний».

Штрайх уверен: «Матвей Иванович был бледным, холодным спутником Сергея Ивановича: ни яркости, ни революционного жара своего брата он не воспринял, но роковым образом был втянут в круг его действий». Характеризуя следственное дело Матвея, Штрайх отмечает, что по его показаниям

«можно было бы написать целую историю заговора, конечно, историю бледную, как неярк был и сам их автор». В мемуарных же и эпистолярных текстах Матвея «виден робкий, скромный, испуганный, но честный представитель обширной, знатной, богато одаренной и славной в русской истории семьи Муравьевых» [Штрайх 1922, с. 3, 4, 5, 10].

В исторической литературе можно встретить характеристику Матвея как человека «скуповатого», «раздражительно-холодного» и «немножко эгоиста», не обладавшего «сердечным тактом и тонкостью» даже в общении с близкими [Энгельгардт 1926, с. 109].

О том, что такого рода характеристики неверны, еще в конце 1960-х годов писала Н.А. Рабкина. Она утверждала: «то малое», что известно о Матвее Муравьеве-Апостоле, было «обидно искажено», а оценка его личности и дел, сложившаяся в исторических сочинениях, нуждается в пересмотре. Но несмотря на эти заявления она считала Матвея умеренным «представителем Северного тайного общества», стремившегося «остановить пылких, решительных, крайних южан» [Рабкина 1967, с. 123, 126], а рассуждения о взглядах Матвея строила прежде всего на основании его переписки 1860-х годов.

В 1970-е годы вышли сразу две замечательные книги: «Сергей Иванович Муравьев-Апостол» Л.А. Медведской и «Апостол Сергей» Н.Я. Эйдельмана [Медведская 1970; Эйдельман 1975]. В них анализируется биография Сергея Муравьева-Апостола; специальную задачу описать деятельность его старшего брата исследователи перед собой не ставили. И тем не менее в книге Медведской подчеркивается «дворянская ограниченность» Матвея, его «страх перед массовыми выступлениями» [Медведская 1970, с. 108]. Даже в современной исторической литературе можно прочесть о том, что старший брат «придерживался умеренных позиций и далеко не всегда был последовательным сторонником идей тайного общества» [Бойчук 2007, с. 564].

В 2015 г. вышла книга Г.А. Лумпановой «Декабрист Матвей Муравьев-Апостол». Автор считает, что «истина», связанная со взглядами Матвея, «лежит где-то посередине» [Лумпанова 2015, с. 488]. Книга эта, претендующая на научную биографию декабриста, написана вне научного дискурса: она содержит вольный некритический пересказ источников, показания и мемуарные свидетельства зачастую представлены как диалоги исторических персонажей.

Мысли и дела братьев Муравьевых-Апостолов 1820-х годов отразились в большом количестве документов. Это многочисленные письма – как написанные самими братьями, так и те, в которых братья упоминаются. Кроме того, это показания декабристов на следствии, а также воспоминания о 1820-х годах – и прежде всего мемуарные записи Матвея Муравьева-Апостола. Из этих документов следует очевидный вывод: и Матвей, и Сергей принадлежали

к поколению «людей двадцатых годов», которое, по меткому выражению Ю.Н. Тынянова, перестало существовать «на очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года».

«Люди двадцатых годов» – это поколение молодых дворян, вызванное к жизни Отечественной войной и не знавшее взрослой довоенной жизни. Отличительной чертой этого поколения было романтическое мировосприятие. «Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь, ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма», – вспоминал Матвей Муравьев-Апостол [Якушкин 1886, с. 159].

Однако жертвенностью и чуждостью «эгоизма» характеристика поколения не исчерпывается. «Люди двадцатых годов» жили в социуме, служили, делали карьеры, ссорились, мирились, вступали в тайные общества – из которых кто-то потом выходил, кто-то оставался. Их романтическое настроение сталкивалось с суровым прагматизмом повседневной жизни. Собственно, отличительной чертой поколения был конфликт между «идеальной» жизнью, полной самопожертвования и любви к ближнему, и жесткой реальностью.

Кроме того, декабристы в истории России – это не только тайные общества, «Русская Правда» Павла Пестеля и Конституция Никиты Муравьева, не только планы революционного похода, восстание на Сенатской площади и мятеж Черниговского полка. Декабристы – это человеческий феномен, без осознания которого трудно понять эпоху. История братьев Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов – безусловно, составная часть этого феномена.

Братья Диоскуры

В биографиях братьев много общего. Известная с XV в. семья Муравьевых, знаменитый «муравейник», была разветвленной, дружной, действительно «богато одаренной и славной в русской истории». Кроме того, Муравьевы-Апостолы были потомками последнего избранного украинского гетмана Даниила Апостола; вторая часть фамилии была «дарована» отцу декабристов императором Александром I в 1801 г.

Братья учились в Париже, в частном пансионе Хикса; отец, крупный российский дипломат, мог себе это позволить – несмотря даже на опалу, постигшую его в начале царствования императора Александра I. В 1810 г., вернувшись в Россию, братья поступили в институт Корпуса инженеров путей сообщения. Сергей, окончивший курс первого отделения, незадолго до начала войны стал подпоручиком [Список 1883, с. 183, 1]. Матвей же, бросивший учебу, начал службу с нижних чинов, а эполеты надел только в декабре 1812 г. Преодолеть отставание от младшего брата в чине ему так и не удалось.

Оба брата воевали: Матвей в 1812–1814 гг. служил в Семеновском полку. Сергей же сменил несколько мест службы: в составе «офицерского класса Корпуса путей сообщения» он «прибыл на службу в армию» накануне Бородинского сражения [Муравьев-Апостол 1922, с. 26]. За годы войны он успел послужить в отряде своего родственника генерал-майора Адама Ожаровского, перевестись в Тверской батальон великой княгини Екатерины Павловны, побывать ординарцем у командовавшего авангардом Главной армии генерала Николая Раевского.

Заграничные походы Сергей закончил капитаном Тверского батальона, а Матвей – прапорщиком Семеновского полка. В 1815 г. Сергей, потеряв чины при переводе в гвардию, стал поручиком того же Семеновского полка.

Характерами братья были похожи: периоды замкнутости и молчаливости чередовались у обоих с периодами открытости и общительности. Сергей, по мнению современников, «был чрезвычайно умен, довольно учен и привлекательной любезности», обладал «кротким нравом», казался «немного застенчивым», «сурьезным» и молчаливым, «но когда говорил, то лицо его оживлялось, глаза блестели, и в те минуты он был истинно прекрасен». В одном из писем Сергей сам себя называл «увальнем», однако «в тесном кругу» он был «весел и остер».

Матвей же, «будучи немного легкомыслен», «увлекался мнением других и потому часто менял свое собственное». По воспоминаниям знавших братьев людей, Матвей «был веселый и приятный товарищ», «живой» и «разговорчивый», «присутствием своим» оживлявший общество [Оленина 1938, с. 485; Греч 1886, с. 379; Муравьев 1986, с. 79; Муравьев-Апостол 1951 а, с. 225; Капнист-Скалон 2008, с. 398].

Однако в мемуарах можно встретить и прямо противоположные свидетельства: о том, что «Матвей казался угрюм и, верно, любезность свою берег про приятелей, ибо они одни его без меры восхваляли». Сергей же был «гораздо живее, блистательнее, приманчивее». Оба брата «были идолами полку своего», «охотно посещали хорошее общество, где были отлично приняты». Офицеры-семеновцы, и братья Муравьевы-Апостолы в их числе, в свете были «развязны, ловки, учтивы и не совсем чуждались танцев» [Вигель 2003, с. 976].

Периодическая замкнутость братьев была связана, кроме прочего, со слабым здоровьем. Журналист Греч запомнил Матвея, тяжело раненного на войне, как человека «слабого телосложения», «малорослого» и «тщедушного». Пулевое ранение в правую ногу, полученное в Кульмской битве, беспокоило Матвея еще долго: и пять лет спустя он с трудом ходил [Греч 1886, с. 381; Муравьев 2000, с. 116, 117]. Сергей же «вследствие ангины» был подвержен «беспрестанным нарывам» [Письма 1926, с. 125].

Так, например, осенью 1817 г. троюродный брат и близкий друг Муравьевых-Апостолов Никита Муравьев постоянно сообщал матери о здоровье Сергея: «Сережа... болен: у него щека распухла и нарыв», «ужасный нарыв на щеке», «на днях сделали ему операцию, прорезали нарыв – теперь ему легче», «Сереже теперь гораздо лучше», но нарыв «не совершенно еще прошел» ([Муравьев 2000, с. 97, 98, 100], ср.: [Муравьев-Апостол 1927, 277]).

Нарывы на шее и на ноге беспокоили Сергея Муравьева-Апостола и осенью 1821 г. В конце 1825 г., буквально накануне восстания, он снова долго болел, перенес заболевание, из-за которого, по его собственным словам, «менял кожу» ([Письма 1926, с. 125; Муравьев-Апостол 1928, с. 223], ср.: [Муравьев-Апостол 1927, с. 237]).

С детства братья Муравьевы-Апостолы были погружены в литературную среду.

Сергей дружил и переписывался с Константином Батюшковым, служа в столице, общался с Александром Пушкиным. Он «чувствовал себя породственному» в доме видного сановника, литератора, президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки Алексея Оленина. Там он встречался, в частности, с журналистом Николаем Гречем, баснописцем Иваном Крыловым, поэтом и переводчиком Николаем Гнедичем – и, видимо, со многими другими литераторами [Медведская 1970, с. 30; Бестужев-Рюмин 1953, с. 119; Письма 1926, с. 114; Греч 1886, с. 379; Георгиевский 1914, с. 30].

Про тех, с кем общался Матвей, известно меньше, но очевидно, что в конце 1810-х годов у братьев был общий круг знакомств. Матвей дружил с Петром Чаадаевым, будущим философом и публицистом, общался с поэтом Павлом Катениным [Муравьев-Апостол 1922, с. 78; Муравьев 2000, с. 106]. Дружеские и родственные отношения связывали братьев с драматургом и поэтом Василием Капнистом и его семьей.

По-родственному братьев принимали и в семье Никиты Муравьева. Никита был сыном попечителя Московского университета и поэта Михаила Муравьева, умершего в 1807 г. Постоянно бывая в доме кузена, братья имели возможность общаться, например, с Николаем Карамзиным. Карамзин дружил с отцом Никиты, а впоследствии посещал дом его вдовы.

Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы и сами обладали явными литературными способностями и тонким филологическим чутьем, много читали и с легкостью рассуждали о европейской литературе. Среди любимых литераторов Матвей называл Жан-Батиста Руссо, Расина, Корнелия и некоторых других, признавался, что не любит Ламартина, «так как он вызывает безнадежность... и нетерпимость». Матвей знал наизусть стихи Николя Жильбера и утверждал, что «из всех писателей», которых он «читал в своей жизни», «больше всего благодарности» питает к Стерну. Лоуренс Стерн, знаменитый английский сентименталист, автор романа «Сентиментальное путешествие»,

нравился Матвею за то, что он «понял значение чувства, и это было в век, когда чувство поднимали на смех». Матвей утверждал, что после чтения Стерна чувствует себя «более склонным к добру» [Муравьев-Апостол 1922, с. 12, 14, 15].

По мнению же Сергея, великие исторические события, такие как Французская революция конца XVIII в., способствуют расцвету поэзии. Французов Мари-Жозефа Шенье и Лебрена, современников и участников революции, отличают от предшественников «идеи более высокие, чувства более возвышенные, и именно поэтому более истинные, и какой-то... порыв, который пробуждает вас от апатии и увлекает к деятельности». Их поэзия, которая, по его словам, «заговорила языком более мужественным», «в наши дни» породила «Байронов и Муров». Сергей Муравьев был уверен, что «среди необычайных явлений нашего века, который сам по себе необычен, без сомнения, лорд Байрон, его характер, его произведения займут не последнее место» [Муравьев-Апостол 1928, с. 223–224; Медведская 1970, с. 69–70].

Большой ценностью для обоих братьев были родственные отношения. Сергей мечтал «бросить службу», «погрузиться в любезную безвестность» и «удалиться» в имение, был убежден, что «подлинное счастье есть отдых на лоне семьи согласной и достойной быть таковою» [Письма 1926, с. 114, 130]. Матвей же, уже сидя в тюрьме, вспоминал «круглый стол в Хомутце», имени отца в Полтавской губернии, и «вечернее чтение» в кругу родных. Он утверждал, что «самыми сладостными мгновениями» жизни «обязан дружбе», которую «питает к родным», мечтал «удалиться в деревню» и «отдаться садоводству» – или «умереть вблизи своих» [Муравьев-Апостол 1922, с. 16].

Но мечта о «безвестной» жизни «на лоне семьи» для братьев, с детства не имевших собственного дома и с юности служивших в военной службе, была недостижима. Зато Матвей и Сергей всегда были вместе: даже если физически находились в разных местах, постоянно обменивались письмами. Еще со времени парижской учебы учителя и родственники сравнивали их с Кастором и Поллуксом, братьями Диоскурами, античным символом братской любви (см. об этом: [Эйдельман 2001, с. 131]).

По семейным и дружеским воспоминаниям, «Матвей Иванович любил страстно брата своего», буквально «боготворил» его, «гордился им и всегда сердился за то, что он был молчалив и не любил выказывать себя»; при этом «Сергей Иванович имел над ним большое влияние». Сам Матвей писал, что «привык раскрывать... душу» перед братом [Капнист-Скалон 2008, с. 398; Бибикина 1916, с. 409; Муравьев-Апостол 1950, с. 212].

В мемуарах Матвей описал эпизод их с Сергеем совместной службы в Семеновском полку: в 1818 г. на учениях один из старших офицеров приказал высечь солдата, Сергей вступился за него – и наказание было отменено.

«Когда учење кончилось... я взял и поцеловал руку брата, смутив его такую неожиданной с моей стороны выходкой» [Муравьев-Апостол 1922, с. 44].

Но Матвей был одним из немногих, к кому прислушивался Сергей. В «Рассказах о декабристах, записанных неизвестным лицом», анонимной рукописи, написанной в 1880-х годах, можно прочесть, как Матвей «во многом... сдерживал» Сергея [Рассказы 2004, с. 167]³. Известно воспоминание Ивана Якушкина о начале дружбы Сергея с Михаилом Бестужевым-Рюминым, впоследствии – одним из главных южных заговорщиков. Якушкин рассказывал, что поначалу Сергей и его знакомые «часто подымали» Бестужева-Рюмина «на смех». Матвей пристыдил брата, Сергей раскаялся и, «чтобы загладить вину свою перед юношей», стал ему покровительствовать. Молодой офицер искренне привязался к Сергею Муравьеву-Апостолу ([Якушкин 2007, с. 55], ср.: [Рассказы 2004, с. 167]).

Для Сергея старший брат был «спутником жизни», «другом» его «души», «товарищем жизни, верным и неразлучным от колыбели». Известны восторженные отзывы Сергея о Матвее, о том, что характер брата «такой благородный, такой глубокий, что он ничем не обнаружит то, что у него на душе, не желая огорчать любящих его». Родным он сообщал, что подружился с Бестужевым-Рюминым потому, что он «очень похож» на «чудесного Матвея», который «тоже не знает, как в нем много хорошего» [Медведская 1970, с. 74; Муравьев-Апостол 1887, с. 53; Муравьев-Апостол 1887 а, с. 318, 319].

* * *

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, отец декабристов, был не только дипломатом и сановником, но и прозаиком, поэтом, переводчиком. Исследователи много писали о «широте культурных интересов» главы семьи, который «хорошо знал античную культуру, древние и европейские языки, обладал литературным вкусом, философским складом ума, являлся признанным критиком, оратором» [Эйдельман 2001, с. 135; Трошина 2007, с. 3].

Отношения отца с Матвеем и Сергеем были непростыми. Ситуация в семье осложнилась после того, как в 1810 г. умерла мать Матвея и Сергея. Иван Матвеевич вскоре женился вторично; в этом браке тоже родились дети. Естественно, что второй брак стал причиной охлаждения отца к старшим сыновьям. Современники утверждали, что с Матвеем и Сергеем отец «был суров и деспот», бывал «часто несправедлив» к ним, «вообще не любил и не ласкал их после второй женитьбы своей» [Русские достопамятные люди 1892, с. 461; Капнист-Скалон 2008, с. 375].

3. Исследователи считают, что рассказчиком в данном случае выступил сам Матвей Муравьев-Апостол.

Матвей относился к мачехе «с изысканною, вежливою холодностью» – чем еще сильнее раздражал отца против себя. Судя по семейной переписке, Сергей, «любимец» отца, мирил его с Матвеем. Сергей сетовал, что ему приходилось находиться между отцом, которого он «всегда нежно любил и почитал», и братом. А публикатор семейной переписки Б.А. Энгельгардт справедливо утверждал, что «благодаря своему уму и прекрасному сердцу» Сергей Муравьев «имел влияние не только на братьев и сестер, но и на отца, и улаживал всегда раздоры в семье» [Муравьев-Апостол 1886, с. 227; Медведская 1970, с. 74; Энгельгардт 1926, с. 110].

Сергей обсуждал с отцом политические новости и книжные новинки, переводил его книгу «Путешествие по Тавриде в 1820 году» на французский язык, считал «Путешествие» произведением «совершенно нового жанра на нашем языке», советовал отцу издать фрагмент книги в журнале [Медведская 1970, с. 9–10; Трошина 2007, с. 117–118, 156–157].

Спустя много лет Матвей вспоминал, что отец держал их с Сергеем «в черном теле». Действительно, взрослые сыновья были зависимы от отца финансово. «Совершенное безденежье» Сергея «принуждало» его просить отца о «подкреплении». В 1821 г. он просил назначить ему «годовую сумму», которую хотел получать «в два или три срока». Очевидно, сумма не была назначена, поскольку в письмах Сергея финансовый вопрос – один из весьма болезненных. Матвей же в 1823–1824 гг. жил в столице на отцовские деньги и уехал оттуда, «не хотя умножить расходы батюшки, которого дела очень расстроены» [Медведская 1970, с. 12; Письма 1926, с. 122; Тизенгаузен 1954, с. 247; Муравьев-Апостол 1950, с. 261].

Современники утверждали, что Иван Матвеевич «не разделял вовсе направления сыновей своих» [Русские достопамятные люди 1892, с. 460]. Действительно, отец не был революционером, более того, он считал, что в России «не было революции и не будет ее, потому что народ наш одарен лучшую философию – здравым смыслом, который беспрестанно твердит ему, что он под отеческим правлением благоденствует и что от добра добра не ищут». «А если бы и случилось немного воспаленных мозгов, то что они значат? они одиноки, они отверженные, они ни одной точки соединения с целым обществом не имеют; да такое заблуждение их не есть, так сказать, домашнее: оно ввезено, как моды, и так же преходяще, как они», – развивал свою мысль Иван Матвеевич [Муравьев-Апостол 2002, с. 185].

В 1826 г., в письме из тюрьмы, Сергей просил отца прислать ему Евангелие и написать «своей рукой на первой странице», что он прощает и благословляет сына. Комментируя эту просьбу, Матвей впоследствии сбивчиво пояснял: «Лица, принадлежавшие тайному обществу, привезенные в Петербург, являлись к Николаю, который в словах, обращенных к ним, по поводу последних строк этого письма сказал, как кажется мне и моему брату, что отец

нас проклял». Матвей отмечал, что, «зная... своего отца», он «не поверил» императору [Муравьев-Апостол 1887, с. 51]. Но письменного прощения Сергей от отца так и не получил.

Публикатор семейной переписки Муравьевых-Апостолов, издатель журнала «Русский архив» Петр Бартенев отмечал, что отец не простил сына «страха ради политического» [Муравьев-Апостол 1887 а, с. 320]. Однако назначенный в 1824 г. сенатором и членом Главного правления училищ, Иван Матвеевич «не боялся выражать собственное мнение», показал себя «человеком весьма независимым» [Кошелев 2002, с. 226]. «Страх политический» и гипертрофированная любовь к начальству не были ему свойственны; в данном случае он, скорее всего, не простил старшим сыновьям гибели 20-летнего Ипполита.

Не выдерживают критики и свидетельства о том, что после событий 1825–1826 гг. Иван Матвеевич «остался, как был всегда, черстводушный ученый и эгоист» и «не был сердечно поражен потерей сыновей» [Русские достопамятные люди 1892, с. 460]. Известно, что он навещал сыновей в тюрьме, передавал им вещи, а «по случаю событий 14 декабря 1825 года» сочинил элегию на греческом языке, переведенную впоследствии на русский. В элегии речь шла про «три лавра», которые лирический герой посадил и за которыми заботливо ухаживал, но судьба которых оказалась плачевной:

*И те, кем могла бы родная обитель
Гордиться... повержены, мертвы во прах:
А грустный тех лавров молодых насадитель
Рыдает, полмертвый, у них на корнях*

[Капнист-Скалон 2008, с. 416;
Муравьев-Апостол 1886 а, с. 228].

«Смертельная души болезнь – скука»

Книга Ивана Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» вышла из печати в 1823 г. и стала заметным литературным явлением. «“Путешествие по Тавриде” прочел я с чрезвычайным удовольствием», – писал Александр Пушкин лицейскому другу Антону Дельвигу [Пушкин 1926, с. 107]. Выпиской из этой книги Пушкин снабдил поэму «Бахчисарайский фонтан»; автора «Путешествия» Пушкин, согласно исследовательскому мнению, воспринимал «в качестве безусловного, незыблемого авторитета» [Кошелев 2002, с. 226].

Из писем Матвея и Сергея и «Путешествия по Тавриде» явствует, что одна из самых обсуждаемых в семье Муравьевых-Апостолов тем – лень, скука и методы борьбы с ними. В 1816 г. в письме к «скучающему» поэту Констан-

тину Батюшкову Сергей Муравьев-Апостол утверждал, что скука, овладевшая его другом, – это «отвратительное чудовище», которое следует «задушить в самом корне»: «Очень худо, что ты скучаешь, – лучше было бы, чтобы ты веселился» [Муравьев-Апостол 1951 а]. Год спустя Матвей (который и сам часто предавался «сплину») напишет, что с «ленью и бесчувственностью» «нельзя сделать ничего хорошего» и «счастлив тот, кто в состоянии принести жертву своей родине» [Муравьев 2000, с. 80; Из эпистолярного наследия 1975, с. 106].

В 1825 г. тот же Матвей убеждал своего приятеля Ивана Якушкина, жаловавшегося на «лень» и «скуку», что необходимо «себя в этом отношении побороть». «Хотите, чтобы я стал еще яснее? Возьмите сочинение моего отца о Крыме и прочтите письмо, приведенное там на стр. 176, если только я не ошибаюсь, не имея книги перед глазами. Вы найдете там полное разъяснение моей мысли», – уточнял Матвей [Муравьев-Апостол 1922, с. 84].

Несмотря на то что политические взгляды отца и детей не совпадали, сыновей и их сверстников, пришедших после войны в тайные общества, он понимал очень хорошо. На странице, на которую ссылается Матвей, повествуется как раз о скуке и ее причинах. Штатский автор «Путешествия по Тавриде» пишет о состоянии молодых людей, прошедших войну.

«Что делает воина столь пристрастным к ремеслу своему, в котором смерть грозит ему на каждом шаге...?» – задается вопросом Иван Матвеевич. И сам же отвечает, что причина этому – «живое ощущение бытия, или, иначе сказать, сильной воли, все преодолевающей». Писатель убежден, что человеку вообще свойственно «любить то, что угрожает ужаснейшим в природе, разрушением».

После окончания военных действий их участники начинают скучать и хандрить: «Война кончилась, опасности миновались, и жизнь воина становится томною», потому что «воин», «приобыкший к сильным потрясениям», без этих потрясений своей жизни уже не мыслит [Муравьев-Апостол 1823, с. 176].

Из этого состояния для «воина», по словам автора «Путешествия», есть два выхода. Одни из них – «смертельная души болезнь», «источник несметных зол, несчастий», скука. По мнению автора «Путешествия», высшее проявление скуки – «сомнение и отчаяние». Но тот, кто «родился не *veluti resoga*», т.е. не «скотом», «обязан предполагать от жизни своей какую-нибудь высокую цель, к которой он должен всечасно стремиться». В мирное время необходимо иметь «твердую, непоколебимую волю» «быть полезным».

Автор «Путешествия» убежден: истинно счастлив тот, кто устроил свою жизнь исходя из стремления к этой цели, такой человек «скуки не знает, а если дух в нем и смутится иногда, то это ненадолго: так пар дыхания на

чистом зеркале мгновенно исчезает и оставляет стекло еще светлее, нежели оно прежде было» [Муравьев-Апостол 1823, с. 178–179].

Эти идеи вполне разделяли воевавшие сыновья Ивана Матвеевича. Следователям в 1826 г. Матвей объяснял, что «революционные мысли» появились и окрепли в России потому, что «гарнизонная жизнь», в которую окунулись возвратившиеся с войны в столицу офицеры, «не могла удовлетворить» их желания и «заменить прежних ощущений» [Муравьев-Апостол 1950, с. 224].

Правда, Иван Матвеевич считал, что к высокой цели, которую обязан поставить перед собою всякий мыслящий человек, необходимо «всечасно стремиться». Но достичь этой цели невозможно, потому что «мы сотворены не с тем, чтобы *иметь*, а чтобы *желать*, не с тем, чтобы наслаждаться, а с тем, чтобы искать наслаждений» [Муравьев-Апостол 1823, с. 177]. Сыновья же Ивана Матвеевича хотели не просто стремиться к высокой цели – политическому преобразованию в России – но достичь ее.

Но именно между этими крайностями – «лень, скука, сомнение и отчаянье» и желание «быть полезным» и подчинить свою жизнь достижению «высокой цели» – и существовали братья Муравьевы-Апостолы.

* * *

Матвей Муравьев-Апостол показывал, что, не увидев себя в послевоенной российской реальности 1810-х годов, молодые люди, прошедшие войну, «вдались» «мистическим» и «политическим» наукам. После войны братья увлеклись модным магнетизмом. Матвей читал «все, что о нем писалось», вместе с Сергеем он ставил неудачные опыты над собственным камердинером [Муравьев-Апостол 1950, с. 224; Муравьев-Апостол 1922, с. 76]. Были братья и масонами: состояли, в частности, в близкой к тайным обществам ложе Трех добродетелей. Однако в масонстве оба быстро разочаровались. Младший брат, обрядоначальник ложи, официально отказался от этой должности и в 1819 г. порвал с масонством, старший же в 1820 г. был исключен из той же ложи «за длительное непосещение» [Серков 2001, с. 1103].

В 1815 г., открывая заседания польского Сейма, император Александр I анонсировал политические реформы: пообещал ввести и в России «законно-свободные учреждения». Офицеры, горевшие желанием помочь императору в деле реформ, стали учиться: для послевоенных лет характерно повальное увлечение общественными и военными науками.

В 1815 г. Сергей Муравьев-Апостол хотел «оставить на время службу и ехать за границу слушать лекции в университете», однако «отец не дал своего согласия», по-видимому, отказавшись оплачивать это путешествие [Муравьев-Апостол 1922, с. 26]. В 1816 г. и Сергей, и Матвей участвовали в подписке, т.е. сборе денег, предпринятом для того, чтобы слушать курс политической

экономии «у профессора здешней академии господина Германа». Среди участников подписки Матвей называл будущего лидера заговора Павла Пестеля, будущего автора северной Конституции Никиту Муравьева и некоторых других молодых офицеров. Впрочем, сам Матвей не кончил курса, поскольку, получив отпуск, уехал на Кавказские Минеральные Воды лечить рану [Муравьев-Апостол 1950, с. 216].

Параллельно с обучением офицеры организовывали тайные общества, в частности «декабристский» Союз спасения (1816); братья Муравьевы-Апостолы входили в группу его основателей. Это общество, как и многие другие возникшие после войны организации, не было революционным. Его участники обсуждали политические новости, читали книги, предлагали свои – иногда весьма радикальные – способы преобразования России. Однако радикальные и, в частности, царубийственные идеи были случайными, не пользовались поддержкой и, как правило, быстро забывались. Многие из тех, кто состоял и в Союзе спасения, и в образованном в 1818 г. Союзе благоденствия (в руководящий орган которого, Коренную думу, входили братья) надеялись, что императору их помощь понадобится в самом скором времени.

Сергей Муравьев-Апостол показывал, что «до начала 1822-го года» был в тайном обществе «самый недействительный, а следственно, малозначащий член», не всегда присутствовал на собраниях, «мало входил в дела, соглашался с большинством голосов и во все время не сделал ни одного приема» [Муравьев-Апостол 1927, с. 273]. Это была, конечно, полуправда: если бы Матвей и Сергей «мало входили в дела» и не интересовались политикой, им незачем было бы участвовать в организации Союза спасения, переходить из него в Союз благоденствия и тем более входить в состав Коренной думы. Но политическая активность братьев с 1816 по 1821 г. действительно шла на убыль, ими все больше овладевала «скука».

Сергей был весьма деятелен, например, осенью 1817 г. во время так называемого «московского заговора». Юные конспираторы, услышав о том, что Александр I якобы хочет переехать жить в Варшаву, отдав Польше часть российских территорий, решили его убить. Сергей, «быв болен нарывом на щеке», письменно высказался против, видя «скудность средств их и совершенную невозможность начинания какого-либо действия». Письмо Сергей вручил Матвею «для прочтения» на собрании заговорщиков [Муравьев-Апостол 1927, с. 277, 256]. Царубийственное намерение было оставлено.

Сергей Муравьев присутствовал и на совещаниях Коренной думы в начале 1820 г., когда в связи с предложением Пестеля ввести в России республику возник «большой спор» [Муравьев-Апостол 1927, с. 291]. Однако о позиции Сергея Муравьева в этом споре ничего не известно: по-видимому, он просто

отмолчался⁴. Федор Глинка, один из главных деятелей Союза благоденствия и участник совещаний, показывал на следствии, что никогда не слышал от Муравьева-Апостола «ни одного резкого суждения. А при случае разговоров в *полемиическом* смысле он никогда не спорил, а часто шутил насчет тех, кои усиливались выказать ученость и ум» [Глинка 2001, с. 133].

Деятельность членов Союза благоденствия должна была охватывать «четыре главные отрасли»: «человеколюбие», «образование», «правосудие» и «общественное хозяйство». Но о том, какую из этих «отраслей» выбрал для себя Сергей Муравьев-Апостол, ничего не известно. Как член Коренной думы он, по его собственным словам, должен был «составить свою особенную» управу, чего, однако же, «не делал» [Муравьев-Апостол 1927, с. 328].

В начале 1821 г. Московский съезд принял решение о роспуске Союза благоденствия. Сергей же и в 1826 г. не знал точно, что «происходило на собрании сих депутатов» и кто именно принимал решение о роспуске Союза [Муравьев-Апостол 1927, с. 247]. Стоит отметить, что в организации в 1821 г. Южного общества – Южного округа Союза благоденствия, по терминологии Пестеля, – он тоже участия не принимал.

Попытки некоторых исследователей доказать, что уже во времена первых тайных обществ Муравьев-Апостол был радикальным революционным лидером, оказались бесплодными. Современники – и те, кто состоял в тайных обществах, и те, кто не состоял в них – не могли, конечно, угадать в Сергее Муравьеве «того исступленного революционера, того безумного предводителя шайки мятежников... каким он явился впоследствии» [Греч 1886, с. 379].

* * *

Матвей же в 1818 г. уехал из Петербурга в Полтаву: он стал адъютантом князя Николая Репнина, генерал-губернатора Малороссии, родного брата генерала Сергея Волконского.

В Полтаве тоже были заговорщики: в частности начальником канцелярии Репнина служил Михаил Новиков, масон, член Союза спасения и Союза благоденствия, республиканец по убеждениям. В марте 1818 г. в Полтаве Новиков основал масонскую ложу «Любви к Истине», про которую Матвей Муравьев говорил на следствии, что она «служила рассадником тайного

4. Участвовавший в совещаниях Александр фон-дер Бриген утверждал, что Муравьев-Апостол не только поддержал Пестеля, но и заранее «подготовился» к выступлению [Бриген 1976, с. 436]. Но об этом обстоятельстве больше никто из участников совещаний не вспомнил. Очевидно, Бриген перепутал Сергея с его кузеном Никитой Муравьевым, действительно поддержавшим Пестеля [Муравьев-Апостол 1927, с. 291].

общества». Новиков, судя по показаниям Матвея, «в оную принимал дворянство малороссийское, из числа коих способнейших помещал в общество, называемое Союз благоденствия» [Муравьев-Апостол 1950, с. 189].

Однако в ходе следствия выяснилось, что управы Союза благоденствия в Полтаве не существовало. Пестель показывал: «Новиков имел поручение основать управу в Малороссии, но в сем не успел», «Новиков завел в Малороссии ложу масонскую; но тайного общества не успел устроить; по крайней мере, не имел я о том ни разу ни малейшего известия» [Пестель 1927, с. 117, 139]. Да и сам Матвей Муравьев к концу следствия изменил свои показания: «В Полтаве Новиков (как я уже сказал) составил масонскую ложу как бы действовать для цели Союза», но после закрытия ложи «совершенно прекратил свои действия» [Муравьев-Апостол 1950, с. 224–225].

Очевидно, что Матвей, лишь однажды посетивший ложу Новикова [Серков 2001, с. 1112] и в итоге поссорившийся с начальником генерал-губернаторской канцелярии, плохо представлял себе, чем – помимо службы – занят его товарищ по тайному обществу (подробнее об этом см.: [Киянская 2008, с. 280–284]).

Мимо Матвея прошла Семеновская история октября 1820 г., когда солдаты-семеновцы коллективно выступили против жестокого командира Федора Шварца. Сергея же «история» сильно задела: в 1820 г. в чине капитана он командовал одной из семеновских рот. Греч ехидно писал впоследствии, что, не случись ее, Сергей Муравьев-Апостол «преспокойно прослужил бы в гвардии, получил бы полк или поступил бы в флигель-адъютанты, женился бы на богатой барышне и был бы теперь где-нибудь хорошим военным губернатором» [Греч 1886, с. 380].

Трудно сказать, как сложились бы судьбы братьев, не случись «истории» в полку. Однако в ноябре 1820 г. младший Муравьев-Апостол был переведен подполковником в армию, сначала в Полтавский, а в мае 1822 г. – в Черниговский пехотный полк.

Старший же брат, тоже числившийся в Семеновском полку, по-прежнему служил адъютантом Репнина и жил в Малороссии. В начале 1821 г. Матвей был переведен из Семеновского в Лейб-гвардии Егерский полк; поскольку речь шла о переводе в рамках Гвардейского корпуса, такой перевод не воспринимался как наказание. О том, что Матвей тоже пострадал в «истории», стало известно только в 1822 г.: поссорившись с Репниным и решив оставить адъютантскую службу, он стал проситься «во фронт».

Вскоре Матвей узнал, что опять переведен – на этот раз майором в тот же Полтавский полк – и после этого известия подал в отставку, которая и последовала в начале 1823 г. При отставке он – очевидно, из гордости – не стал просить о назначении «пенсии» [Муравьев-Апостол 1950, с. 217]. А потому стал полностью зависим от финансовой помощи отца.

Общественным же последствием Семеновской истории стала радикализация тайных обществ, превращение по крайней мере одного из них – Южного – в организацию, программным требованием которой стало установление республики, а способом действия – военная революция.

Библиография

- Андреевич Я.М. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 346–408.
- Бестужев-Рюмин М.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госизд-во полит. лит.-ры, 1950. Т. 9. С. 26–176.
- Бибикова А.И. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1916. № 11. С. 404–426.
- Бойчук Л.Л. Из переписки М.И. Муравьева-Апостола с А.П. Созонович // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Российский фонд культуры; Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2007. Новая серия. Вып. 16. С. 564–569.
- Бриген, фон-дер А.Ф. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 423–447.
- Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 610–1358.
- Георгиевский Г.П. А.Н. Оленин и Н.И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского архива // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1914. Т. 91. № 1. С. 1–31.
- Герцен А.И. 14 декабря 1825 и император Николай // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М.: Наука, 1994. С. 65–206.
- Глинка Ф.Н. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 93–143.
- Горбачевский И.И. Записки, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 354 с.
- Готовцева А.Г. Движение декабристов в официальной прессе // Вестник РГГУ. 2007. № 9. С. 157–199.
- Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886. 588 с.
- Донесение Следственной комиссии (Его императорскому величеству высочайше утвержденной комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданейший доклад) // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 24–61.
- Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. М.: [б/и], 1975. Т. 1. 329 с.
- Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: [б/и], 2008. Т. 1. С. 328–473.
- Киянская О.И. Декабристы. М.: Молодая гвардия, 2015. 383 с.
- Киянская О.И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб.: Нестор-История, 2008. 302 с.
- Кошелев В.А. О жизни и сочинениях И.М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002. С. 191–230.
- Лумпанова Г.А. Декабрист Матвей Муравьев-Апостол. Тверь: Изд-во НИИ «Центрпрограммсистем», 2015. 560 с.
- Лунин М.С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. 496 с.
- Медведская Л.А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М.: Просвещение, 1970. 176 с.
- Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Госиздат, 1926. 248 с.

- Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. 448 с.
- Муравьев Н.М. Письма декабриста. 1813–1826 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 310 с.
- Муравьев-Апостол И.М. О преподавании философии // Муравьев-Апостол И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002. С. 182–188.
- Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Тип. Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. XII, 337 с.
- Муравьев-Апостол И.М. Элегия, сочиненная им на греческом языке по случаю событий 14 декабря 1825 года // Русский архив. 1886 а. № 2. С. 227–228.
- Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. 96 с.
- Муравьев-Апостол М.И. О собственном воспитании // Русский архив. 1886. № 2. С. 226–227.
- Муравьев-Апостол М.И. Погостный список // Декабристы. Материалы для характеристики. М.: Изд. М.М. Зензинова, 1907. С. 172–176.
- Муравьев-Апостол М.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 177–284.
- Муравьев-Апостол С.И. Два письма // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 217–226.
- Муравьев-Апостол С.И. Письма // Русский архив. 1887 а. № 3. С. 315–320.
- Муравьев-Апостол С.И. Письмо к К.Н. Батюшкову // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Госполитиздат, 1951 а. Т. 2. С. 224–226.
- Муравьев-Апостол С.И. Письмо к отцу от 21 января 1826 г. Предсмертные размышления. Письмо накануне казни к брату его, Матвею Ивановичу // Русский архив. 1887. № 1. С. 47–54.
- Муравьев-Апостол С.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 227–412.
- Оленина В.А. Воспоминания о декабристах. Письма к П.И. Бартеневу // Декабристы. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1938. С. 483–491.
- Пестель П.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 1–226.
- Письма С.И. и М.И. Муравьевых-Апостолов к А.Д. и А.И. Хрушовым // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1. С. 108–139.
- Пушкин А.С. Письма. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 1. 1815–1825. 540 с.
- Рабкина Н.А. Версия и документ // Прометей: Альманах. М.: Молодая гвардия, 1967. Т. 3. С. 122–133.
- Рассказы о декабристах, записанные неизвестным лицом // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2004. Т. XIII. С. 165–172.
- Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 480 с.
- Русские достопамятные люди: Заметки и воспоминания по поводу труда Д.Н. Бантыш-Каменского: «Словарь достопамятных людей русской земли», изд. 1847 г., СПб., и некоторых других изданий того времени. Рукопись из собрания С.Д. Полторацкого // Русская старина. 1892. № 6. С. 458–487.
- Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1222 с.
- Список лиц, окончивших курс наук в Институте инженеров путей сообщения императора Александра I с 1811 по 1882 год. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1883. 192 + 36 с.
- Тизенгаузен В.К. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т. 11. С. 238–412.

- Толстой Л.Н. Стыдно // Толстой Л.Н. Собр. соч. М.: Худ. лит., 1964. Т. 16. С. 449.
- Трошина М.С. Жизнь и творчество И.М. Муравьева-Апостола. Дис. на ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2007. 211 с.
- Чулков Г.И. Мятежники 1825 года. М.: Соврем. проблемы, 1925. 298 с.
- Штрайх С.Я. Предисловие // Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. С. 3–10.
- Шубин В.Ф. О датах рождения декабристов Н.М. Муравьева и С. и И. Муравьева-Апостола // Советские архивы. 1986. № 4. С. 72–73.
- Шугуров М.Ф. О бунте Черниговского полка // Русский архив. 1902. № 6. С. 268–302.
- Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. М.: Политиздат, 1975. 391 с.
- Эйдельман Н.Я. Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. 376 с.
- Энгельгардт Б.М. Письма С.И. и М.И. Муравьевых-Апостолов к А.Д. и А.И. Хрущовым [Вступительная статья] // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1. С. 108–112.
- Якушкин В.Е. Матвей Иванович Муравьев-Апостол. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1886. 170 с.
- Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. 740 с.

References

- Andreevich Ja.M. Sledstvennoe delo [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. Vol. 5. P. 346–408. (In Russ.)
- Bestuzhev-Rjumin M.P. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Materialy. [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1950. Vol. 9. P. 26–176. (In Russ.)
- Bibikova A.I. Iz semejnoy hroniki. Istoricheskij vestnik [From the family chronicle. Historical Bulletin]. 1916. N 11. P. 404–426. (In Russ.)
- Boychuk L.L. Iz perepiski M.I. Murav'eva-Apostola s A.P. Sozonovich. Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv. [The correspondence of M.I. Muravyov-Apostol A.P. Sazonovich. Russian Archive: The history of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII–XX centuries]. Moscow: Russian cultural foundation; Studio «TRITE»; Rosarchive, 2007. Novaja serija. New series. Iss. 16. P. 564–569. (In Russ.)
- Brigen, von der A.F. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Nauka, 1976. P. 423–447.
- Chulkov G.I. Mjatezhniki 1825 goda [Insurgents of 1825]. Moscow: Sovrem. problemy, 1925. 298 p. (In Russ.)
- Donesenie Sledstvennoj komissii (Ego imperatorskomu velichestvu vysochajshe utverzhdennoj komissii dlja izyskaniya o zloumyshlennyh obshhestvah vsepoddanejsij doklad). Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Report to the Commission of Inquiry (to His Imperial Majesty the highest approved commission for investigation of malicious societies is the all-signed report). Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 17. P. 24–61. (In Russ.)
- Engelhardt B.M. Pis'ma S.I. i M.I. Murav'evyh-Apostolov k A.D. i A.I. Hrushhovym [Vstupitel'naja stat'ja]. Pamjati dekabristov: Sb. materialov [Letters of S.I. and M.I. Muravyov-Apostolov to A.D. and A.I. Khrushchovs [Introductory article]. In memory of the Decembrists: Collection of materials]. Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1926. Vol. 1. P. 108–112.

Georgievsky G.P. A.N. Olenin i N.I. Gnedich: Novye materialy iz Oleninskogo arhiva. Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk [A.N. Olenin and N.I. Gnedich: New Materials from Oleninsky Archive. Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Petrograd: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1914. Vol. 91. No 1. P. 1–31.

Glinka F.N. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Rosspen, 2001. Vol. 20. P. 93–143. (In Russ.)

Gorbachevskij I.I. Zapiski, pis'ma [Notes and letters]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. 354 p. (In Russ.)

Gotovceva A.G. Dvizhenie dekabristov v oficial'noj presse [The Decembrist movement in the official press]. Vestnik RGGU. 2007. No 9. P. 157–199. (In Russ.)

Grech N.I. Zapiski o moej zhizni [Notes about my life]. Saint Petersburg: Publishing house of A.S. Suvorin, 1886. 588 p. (In Russ.)

Herzen A.I. 14 dekabnja 1825 i imperator Nikolaj. 14 dekabnja 1825 goda i ego istolkovateli (Gercen i Ogarev protiv barona Korfa) [December 14 1825 and Emperor Nicholas. 14 December 1825 and his interpreters (Herzen and Ogarev vs Baron Corf)]. Moscow: Nauka, 1994. P. 65–206. (In Russ.)

Iz jepistoljarnogo nasledstva dekabristov. Pis'ma k N.N. Murav'evu-Karskomu [From the epistolary legacy of the Decembrists. Letters to N.N. Murav'ev-Karsky]. Moscow: [b/i], 1975. Vol. 1. 329 p. (In Russ.)

Jakushkin V.E. Matvej Ivanovich Murav'ev-Apostol. Saint Petersburg: Printed by The expedition of storing securities, 1886. 170 p. (In Russ.)

Jejdel'man N.Ja. Apostol Sergej. Moscow: Politizdat, 1975. 391 p. (In Russ.)

Jejdel'man N.Ja. Udivitel'noe pokolenie. Dekabristy: lica i sud'by [An amazing generation. The Decembrists: faces and destinies]. Saint Petersburg: Pushkin Foundation Publishing house, 2001. 376 p. (In Russ.)

Kapnist-Skalon S.V. Vospominanija. Vospominanija i rasskazy dejatelej tajnyh obshhestv 1820-h godov [Memories. Memoirs and stories of figures of secret societies of the 1820s]. Moscow: [b/i], 2008. Vol. 1. P. 328–473. (In Russ.)

Kiyanskaya O.I. Dekabristy [The Decembrists]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2015. 383 p. (In Russ.)

Kiyanskaya O.I. Ocherki iz istorii obshhestvennogo dvizhenija v Rossii v pravlenie Aleksandra I [Essays from the history of the social movement in Russia during the reign of Alexander I]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. 302 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. O zhizni i sochinenijah I.M. Murav'eva-Apostola. Murav'ev-Apostol I.M. Pis'ma iz Moskvy v Nizhnij Novgorod [About the life and writings of I.M. Muravyov-Apostol. Muravyov-Apostol I.M. Letters from Moscow to Nizhny Novgorod]. Saint-Petersburg: Nauka, 2002. P. 191–230. (In Russ.)

Lumpanova G.A. Dekabrist Matvej Murav'ev-Apostol [The Decembrist, Matvej Murav'ev-Apostol]. Tver': Publishing House of NII «Centrprogrammsistem», 2015. 560 p. (In Russ.)

Lunin M.S. Pis'ma iz Sibiri [Letters from Siberia]. Moscow: Nauka, 1988. 496 p. (In Russ.)

Medvedskaya L.A. Sergej Ivanovich Murav'ev-Apostol. Moscow: Prosveshhenie, 1970. 176 p. (In Russ.)

Mezhducarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarah chlenov carskoj sem'i [The interregnum of 1825 and the Decembrist uprising in correspondence and memoirs of members of the Royal family]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. 248 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol I.M. O prepodavanii filosofii [On the teaching of philosophy]. Murav'ev-Apostol I.M. Pis'ma iz Moskvy v Nizhnij Novgorod [About the life and writings of I.M. Muravyov-

Apostol. Muravyov-Apostol I.M. Letters from Moscow to Nizhny Novgorod]. Saint-Petersburg: Nauka, 2002. P. 191–230. (In Russ.)

Murav'ev A.N. Sochinenija i pis'ma [Compositions and letters]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1986. 448 p. (In Russ.)

Murav'ev N.M. Pis'ma dekabrista [Letters of the Decembrist]. 1813–1826 gg. Moscow: Pamjatniki istoričeskoj mysli, 2000. 310 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol I.M. Jelegija, sočinennaja im na grecheskom jazyke po sluchaju sobytij 14 dekabrja 1825 goda [Elegy composed by him in Greek on the occasion of the events of December 14, 1825]. Russian archive. 1886 a. No 2. P. 227–228. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol I.M. Puteshestvie po Tavride v 1820 godu [Journey on the Taurida in 1820]. Saint Petersburg: Printed by Special office of the Ministry of internal Affairs, 1823. XII, 337 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol M.I. O sobstvennom vospitanii [About own upbringing]. Russian archive. 1886. No 2. P. 226–227. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol M.I. Pogostnyj spisok. Dekabristy. Materialy dlja harakteristiki [List of the deceased. The Decembrists. Materials for characteristics]. Moscow: Publishing House of M.M. Zenzinov, 1907. P. 172–176. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol M.I. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Gospolitizdat, 1950. Vol. 9. P. 177–284. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol M.I. Vospominanija i pis'ma [Memoirs and letters]. Petrograd: Byloe, 1922. 96 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Dva pis'ma [Two letters]. Krasny archive. 1928. Vol. 5 (30). P. 217–226. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Pis'ma [Letters]. Russian archive. 1887 a. No 3. P. 315–320. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Pis'mo k K.N. Batjuškovu. Izbrannye social'no-političeskie i filozofskie proizvedenija dekabristov [The letter to K.N. Batjuškov. Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists.]. Moscow: Gospolitizdat, 1951 a. Vol. 2. P. 224–226. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Pis'mo k otcu ot 21 janvarja 1826 g. Predsmertnye razmyšlenija. Pis'mo nakanune kazni k bratu ego, Matveju Ivanoviču [The letter to the father from January 21, 1826. Deadly reflections. The letter on the eve of the execution to his brother, Matvei Ivanovich]. Russian archive. 1887. No 1. P. 47–52. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. Vol. 4. P. 227–412. (In Russ.)

Olenina V.A. Vospominanija o dekabristah. Pis'ma k P.I. Bartenevu. Dekabristy [Memoirs of the Decembrists. Letters to P.I. Bartenev. Decembrists]. Moscow: Publishing house of the State literary Museum, 1938. P. 483–491.

Pestel' P.I. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. Vol. 4. P. 1–226. (In Russ.)

Pis'ma S.I. i M.I. Murav'evyh-Apostolov k A.D. i A.I. Hrushhovym. Pamjati dekabristov: Sb. materialov [Letters of S.I. and M.I. Muravyov-Apostolov to A.D. and A.I. Khrushchovs. In memory of the Decembrists: Collection of materials]. Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1926. Vol. 1. P. 108–139. (In Russ.)

Pushkin A.S. Pis'ma [Letters]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. Vol. 1. 1815–1825. 540 p.

Rabkina N.A. Versija i dokument [The version and the document]. Prometheus: Almanac. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1967. Vol. 3. P. 122–133.

Rasskazy o dekabristah, zapisannye neizvestnym licom. Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv. [Stories about the Decembrists recorded by an unknown person. Russian Archive: The history of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII–

- XX centuries]. Al'manah. Moscow: Studio «TRITE»; Rosarchive, 2004. Vol. XIII. P. 165–172. (In Russ.)
- Rosen A.E. Zapiski dekabrista [Notes of the Decembrist]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1984. 480 p. (In Russ.)
- Russkie dostopamjatnye ljudi: Zametki i vospominanija po povodu truda D.N. Bantysh-Kamenskogo: «Slovar' dostopamjatnyh ljudej russoj zemli», izd. 1847 g., SPb., i nekotoryh drugih izdaniy togo vremeni. Rukopis' iz sobranija S.D. Poltorackogo [Russian memorable people: Notes and memoirs about the work of D.N. Bantysh-Kamensky: «Dictionary of memorable people of the Russian land», ed. 1847, St. Petersburg, and some other publications of that time. The manuscript from the collection of S.D. Poltoratsky]. Russkaja starina. 1892. No 6. P. 458–487. (In Russ.)
- Serkov A.I. Russkoe masonstvo. 1731–2000. Jenciklopedicheskij slovar' [Russian masonry. 1731–2000. Encyclopedic dictionary]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 1222 p. (In Russ.)
- Shtrajh S.Ja. Predislovie. Murav'ev-Apostol M.I. Vospominanija i pis'ma [Preface. Murav'ev-Apostol M.I. Memoirs and letters]. Petrograd: Byloe, 1922. P. 3–10. (In Russ.)
- Shubin V.F. O datah rozhdenija dekabristov N.M. Murav'eva i S.I. Murav'eva-Apostola. Sovetskie arhivy [About dates of birth of Decembrists N.M. Murav'ev and S.I. Murav'ev-Apostol. Soviet archives.]. 1986. No 4. P. 72–73. (In Russ.)
- Shugurov M.F. O bunte Chernigovskogo polka [About the Chernigov regiment's revolt]. Russian archive. 1902. No 6. P. 268–302. (In Russ.)
- Spisok lic, okonchivshih kurs nauk v Institute inzhenerov putej soobshhenija imperatora Aleksandra I s 1811 po 1882 god [List of persons who completed the course of science at the Institute of railway engineers of Emperor Alexander I from 1811 to 1882]. Saint Petersburg: Printing house of the Ministry of Railways, 1883. 192 + 36 p.
- Tizengauzen V.K. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Dokumenty. [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1954. Vol. 11. P. 238–412. (In Russ.)
- Tolstoj L.N. Stydno. Collected works. M.: Hud. lit., 1964. Vol. 16. P. 449. (In Russ.)
- Troshina M.S. Zhizn' i tvorcestvo I.M. Murav'eva-Apostola [The Life and work of I.M. Murav'ev-Apostol]. Dis. na ... kand. filol. nauk. Ul'janovsk, 2007. 211 p. (In Russ.)
- Vigel' F.F. Zapiski [Notes]. Moscow: Zakharov, 2003. Vol. 2. P. 610–1358.
- Yakushkin I.D. Zapiski, stat'i, pis'ma [Notes, articles, letters]. Saint Petersburg: Science, 2007. 740 p. (In Russ.)